

DOI: 10.15372/HSS20160216
УДК 336.2(571.1/.5)(091)

Л.М. ДАМЕШЕК, И.Л. ДАМЕШЕК

**ПРОВЕДЕНИЕ В ЖИЗНЬ «ВРЕМЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ»
О КРЕСТЬЯНСКИХ И «ИНОРОДЧЕСКИХ» НАЧАЛЬНИКАХ СИБИРИ 1898–1917 г.**

Лев Михайлович Дамешек,
д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: levdameshok@gmail.com
Ирина Львовна Дамешек,
д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры,
Иркутский государственный университет,
РФ, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: dameshok@rambler.ru

Статья является продолжением публикации в предыдущем номере журнала. Рассматривается проведение в жизнь закона о крестьянских и инородческих начальниках Сибири, анализируются попытки распространить действие закона на северные территории Сибири, приводятся статистические данные, характеризующие социальный, образовательный, имущественный, конфессиональный состав этих чиновников. Отмечаются их профессиональные занятия до перехода на новую должность. Дается оценка институту крестьянских начальников в Сибири.

Ключевые слова. Европейская Россия, Сибирь, крестьянские начальники, сословный состав, имущественное положение, образовательный уровень, вероисповедание, испытания на должность, отношение к службе, временное правительство.

L.M. DAMESHEK, I.L. DAMESHEK

**THE ENFORCEMENT OF THE PROVISIONAL REGULATION
ON PEASANT AND INDIGENOUS OFFICIALS IN SIBERIA IN 1898–1917**

Lev M. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: levdamshok@gmail.com
Irina L. Dameshek,
Doctor of Historical Sciences,
Professor, Professor of the Department,
Irkutsk State University,
1, Karla Marxa Str., Irkutsk, 664003, Russia,
e-mail: dameshok@rambler.ru

The provisional regulation of 1898 on peasant and indigenous officials was implemented in Siberia in 1898–1917. The attempts to apply the law in the northern territory of Asian part of Russia, were rejected by the government. The analysis of service records proves that 35,5 % of peasant officials in the governorates of Western Siberia were from commoners, in Irkutsk – 65 %, in Eniseysk – 68 %, in Transbaikalia – 96 %. The officials holding university degrees comprised 32 % in Western Siberia, and 25 % in Eastern Siberia. The peasant officials owned neither immovable nor acquired property. According to the Table of ranks 50 % of the peasant officials held ranks from the 14 to 8. The peasant officials' average salary was 1500 rubles in Western Siberia and 2000 rubles in Transbaikalia area. 91 % of them were Christians. There was a high turnover among the peasant officials in Siberia. Their subordinate areas differed in size. Prior to their appointment to the new position they were engaged in a wide range of professional activities (from military and police officers to medical attendants and teachers), or did not have any profession at all. The work of peasant officials was characterized by abuse of position, corruption, and forced conversion of non-Russians to Christianity. In 1912 a program of examinations was introduced for the candidates running for the post of peasant official. This program had been developed for the purpose of improving the "qualitative

composition” of the newly appointed officials. It was not implemented because of the First World War. Even under these circumstances the government took measures to improve the qualitative composition of the peasant officials, exempting them from military service etc. However all these attempts were unsuccessful. By 1917 the share of nobles among the Siberian peasant officials had not only failed to increase but actually decreased. The number of Orthodox officials reduced as well. The number of officials with higher education remained at the same level as in 1914. After the fall of the monarchy the situation radically changed. On July 29, 1917 the Provisional government decided to abolish the institution of peasant officials.

Key words: European Russia, Siberia, peasant officials, estates, property status, educational status, religion, examinations for the post, attitude towards service, Russian Provisional Government.

Реализация «Временного положения...» началась с составления штатного расписания, подбора кандидатур крестьянских и инородческих начальников и разделения уездов на участки (исследование истории разработки и обсуждения «Временного положения» см. [1]). Закон предусматривал введение в четырех сибирских губерниях 107 должностей крестьянских начальников и образование 25 уездных съездов. Министерство и региональная власть не исключали возможности увеличения числа крестьянских начальников в Сибири. Этим же целям отвечало стремление администрации распространить закон на те районы Сибири, где первоначально это не предполагалось. В апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был введен в Забайкальской области, в шести уездах которой учреждалось 19 должностей новых чиновников¹. Примерно тогда же рассматривался вопрос о введении института крестьянских начальников в Якутской области. Местная администрация предлагала учредить 15 должностей новых чиновников: 6 – в Якутском округе, 3 – в Вилюйском, и по 2 – в Олекминском, Верхоянском и Колымском округах².

В 1903 г. Министерство внутренних дел предложило подчинить власти крестьянских начальников население Березовского и Сургутского уездов Тобольской губернии и Нарымского края Томской губернии³. Однако эти проекты не состоялись. Утверждения отдельных исследователей [2, с. 13] о введении института крестьянских начальников для народов Северо-Восточной Сибири являются ошибочными, фактическим материалом они не подтверждаются. Применительно к аборигенам Туруханского края Енисейской губернии этот вопрос даже не ставился⁴. С определением числа крестьянских начальников и их съездов неразрывно связан вопрос о разделении уездов на участки. В силу того обстоятельства, что отдельные должности этих чиновников оставались вакантными длительное время, фактическое число крестьянских начальников было меньше числа участков. Неодинаковыми были и размеры участков. В Забайкальской области на один участок приходилось немногим более 21 тыс. жителей, в Иркутской губернии – примерно 18 тыс., в Енисейской – около 20 тыс. [3, с. 133].

Количество участков внутри уездов и губерний, за редким исключением, оставалось неизменным до 1917 г., но внутреннее изменение границ участков было обычным явлением. Одной из наиболее важных сторон деятельности сибирской администрации по реализации закона 1898 г. являлся подбор кандидатов на должности крестьянских начальников. В интересах быстрее проведения реформы он начался еще до утверждения законопроекта. Поиск кандидатов на новые должности был связан с известными трудностями. В Сибири практически отсутствовало помещичье землевладение, а прослойка дворян-чиновников по сравнению с губерниями Европейской России была невелика. Немного насчитывалось и чиновников с высшим или специальным образованием. Между тем закон отдавал предпочтение именно таким лицам. Это сужало круг возможных претендентов на должность и сдерживало ход реформы. Неслучайно местная администрация резко выступала против соблюдения требования образовательного ценза⁵. Если в Томской и Тобольской губерниях ко времени проведения реформы правительство все же смогло подобрать необходимые кандидатуры, то в Енисейской губернии штат крестьянских начальников был укомплектован только на 90 %. По сведениям МВД, в 1901 г. в Забайкальской области оставались незанятыми 11 % мест крестьянских начальников, в Иркутской губернии в 1909 г. – 5 %⁶.

Стремление царизма при подборе кандидатур на вновь вводимые должности строго следовать словесному принципу и назначать крестьянских начальников исключительно из дворян оказалось неосуществимым. В 1904 г. в губерниях Западной Сибири 35,5 % чиновников было из разночинцев, только 32 % крестьянских начальников имели высшее образование, зато православными являлись почти все – около 91 %⁷.

Еще в меньшей степени соответствовали правительственным установкам крестьянские начальники Восточной Сибири. В начале XX в. в Енисейской губернии выходцами из разночинцев были 68 % крестьянских начальников, в Иркутской губернии – 65 %, в Забайкальской области – 96 %⁸. В Иркутской губер-

⁵ Библиотека РГИА. Печатные записки. Ф. 2825. Отчет Енисейского гражданского губернатора за 1907 г. С. 7.

⁶ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 40, 1900 г. Л. 3; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17–20; Оп. 31. Д. 622, 1909 г. Л. 4–23.

⁷ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 2, 1904 г. Л. 213–216, 239–240.

⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1291. Оп. 30, 1900 г. Д. 40. Л. 3, 23; Оп. 1, 1909 г. Д. 622. Л. 4 об.–23; Оп. 30, 1901 г. Д. 62. Л. 17–18, 19–20.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1148. Оп. 30. Д. 62. 1901 г. Л. 1–3.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 8. К. 842. Д. 927. Л. 2–14.

³ РГИА. Ф. 573. Оп. 3. Д. 5125. Л. 23–30.

⁴ Там же. Ф. 1291. Оп. 84, 1909 г. Д. 173. Л. 222–223.

нии только четвертая часть чиновников имела высшее образование, в Енисейской губернии и Забайкальской области – немногим более половины. Удельный вес чиновников, исповедовавших православие, в Восточной Сибири был выше, чем в Западной, – 97 %. Таким образом, не правы те исследователи, которые считают, что крестьянские начальники назначались исключительно из дворян [3, с. 129; 4, с. 176].

Для большинства крестьянских начальников жалование было единственным источником существования. Его размер без учета канцелярских, квартирных, прогонных и прочих сумм колебался от 1500 руб. (Западная Сибирь) до 2000 руб. в год (Забайкальская область). По данным начала XX в., в Восточной Сибири только один чиновник из 61 имел поместье в 235 дес. в Херсонской губернии. Еще три чиновника или их жены имели собственные дома. В Тобольской губернии у одного чиновника имелся земельный надел в 920 дес. в Уфимской губернии. В Томской губернии владельцев недвижимой наследственной или «благоприобретенной» собственности из числа крестьянских начальников вообще не было. В царской России все чиновники гражданского или военного ведомства имели чин, соответствующий классу по должности. Изучение этой стороны положения крестьянских начальников позволяет заключить, что положение их в бюрократической иерархии российского чиновничества было сравнительно невысоким. Примерно 50 % крестьянских начальников имели чины с 14 по 8 класс.

Не прошло и года со времени введения института крестьянских начальников, как они отметились массовыми и вопиющими злоупотреблениями. Уже в 1899 г. иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин сообщал в Министерство внутренних дел, что не все крестьянские начальники «правильно понимают свои обязанности и <...> отвечают по своим служебным и нравственным качествам <...> занимаемой должности». Через год после введения реформы ряд чиновников «пришлось заменить другими лицами»⁹. Наиболее подробные сведения о произволе крестьянских начальников содержатся в материалах ревизии их деятельности. Чиновник министерства внутренних дел Маврин, обследовавший по поручению В.К. Плеве деятельность крестьянских начальников Тобольского, Тарского и Ишимского округов, «не признавал возможным дальнейшее оставление... в занимаемой должности... пяти крестьянских начальников из 15 проверенных»¹⁰. По признанию вице-губернатора А.Н. Тайницкого, одни чиновники совершенно не вникали в положение дел, другие же приобрели грустную славу беззакониями и хищениями¹¹. По приблизительным подсчетам за три-четыре года крестьянские начальники растратили около 300 000 руб. общественных денег [5, с. 73]. Совре-

менники отмечали, что новые чиновники с первых дней начали хозяйствовать «авторитетно, нисколько не смущаясь своего невежества и отсутствия необходимых знаний» [6, с. 26].

Незаконные действия крестьянских начальников не ограничивались лихоимством. Поразительными были масштабы их самоуправства. Крестьянский начальник 5-го участка Иркутского уезда Галицкий «без соблюдения установленного порядка, по своему усмотрению допускал к исполнению обязанностей выборных должностных лиц». Он назначил казначеем Хоговской управы бывшего родового старосту Абыдаевского рода Степанова, который совершил растрату в 1797 руб. Без решения суглана Галицкий принял на должность писаря Ользоновской управы некоего Куртова, который до поступления на службу водил дружбу с местными кулаками Сухановым и Ербагаевым, рекомендовавшими его крестьянскому начальнику как лицо, заслуживающее доверия¹². Однако это «заслуживающее доверия лицо» присвоило около 1500 руб., а затем сбежало, захватив предварительно чужой паспорт. Велика была роль крестьянского начальника при выборе должностных лиц инородческого управления. При поддержке уездных съездов и губернских правлений они старались подобрать послушный их воле состав органов самоуправления у сельского населения. Достигалось это по-разному: путем рекомендаций, игнорированием приговоров сходов и сугланов, прямым насилием, и даже фальсификацией итогов выборов¹³. Крестьянские начальники активно влияли на ход землеустройства аборигенов, их участие в работе поземельно-устроительных комиссий было обязательным. Анализ позиций этих чиновников при рассмотрении конфликтных ситуаций в ходе землеустройства позволяет заключить, что крестьянские начальники руководствовались не интересами аборигенов-скотоводов, а целям переселенческой политики правительства, выступали в большинстве случаев за продолжение землеустройства и практики земельных отрезков у нерусских народов¹⁴. Многие крестьянские начальники являлись истыми ревнителями православия, не гнушавшиеся никакими методами – от посулов и угроз до прямого администрирования и насилия¹⁵.

Массовый произвол крестьянских начальников вызывал энергичные протесты сельского населения, о чем были хорошо информированы высшие правительственные инстанции. В 1907 г. на совещании непрременных членов по крестьянским делам товарищ министра внутренних дел А.И. Лыкошин вынужден был признать, что правительство не видит иного способа пресечения злоупотреблений, кроме установления постоянного надзора, который бы явился одним из существенных условий правильной постановки

⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 367, 1900 г. Л. 5.

¹⁰ Там же. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 183, 1903 г. Л. 1.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2. Л. 13–13 об.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 11 312. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 2514. Л. 7 1.

всякой исполнительской деятельности¹⁶. С целью пресечения злоупотреблений крестьянских начальников местная администрация практиковала частые перемещения чиновников внутри уездов и губерний. В Иркутской губернии с 1901 по 1912 г. крестьянскими начальниками перебывало 70 чиновников, из них 40 находились на этой должности от года до 3 лет, 10 имели пятилетний стаж, 6 – шестилетний, два чиновника пробыли в этой должности 10 лет. В целом по Иркутской губернии из 21 участка крестьянские начальники в четырех менялись шесть раз, в девяти – 5 раз.

Формулярные списки позволяют проследить служебный путь чиновников к должности крестьянских начальников. По сведениям за 1916 г., в Тобольской губернии 5 из 34 крестьянских начальников начинали службу в военном ведомстве и, не дослужившись до высоких чинов, вышли в отставку. Отсутствие достаточно надежного источника существования заставило их определиться на штатскую службу. В Томской губернии службу в военном ведомстве начинал каждый десятый крестьянский начальник. Среди крестьянских начальников были представители различных профессий, в том числе и учителя. Крестьянскими начальниками служили и лица, не имеющие чина. В Восточной Сибири таких насчитывалось 10 %, в Западной – 5 % от общего числа крестьянских начальников. Печать того времени отмечала, что среди крестьянских начальников «есть бывшие управляющие частными имениями, встречаются полицейские чины, много офицеров и заметную группу составляют чиновники всяких учреждений» [7, с. 137].

После поражения Первой русской революции и начала массового переселения крестьян за Урал перед правительством встала проблема обеспечения «личного состава крестьянских учреждений лицами, могущими успешно справиться с возложенными на них по закону многообразными и сложными обязанностями». Добиваясь усиления «ближайшего наблюдения» и улучшения качественного подбора чиновников, правительство пыталось совершенствовать местный исполнительный аппарат власти самодержавия. В 1912 г. сибирские губернаторы получили предписание министра внутренних дел А.А. Макарова о введении испытания на должность крестьянских начальников. Эта мера преследовала цель не только «качественного» отбора состава чиновников, но и удаления неугодных правительству или скомпрометировавших себя лиц.

Министерство рекомендовало губернской администрации проводить экзамены по программам испытаний на должность земских начальников, утвержденных в 1908 г. и в Сибири. Местные власти обязывались разработать собственную программу, в которой особое внимание следовало уделить выявлению «осведомленности испытуемых в узаконениях и правилах, регулирующих общественное управление, суд и поземель-

ное устройство крестьян и инородцев»¹⁷. Составление программы испытаний в Сибири было закончено к 1914 г. В определении прав крестьянских начальников относительно органов общественного управления крестьян и аборигенов составители программы исходили из ст. 16 «Временного положения...», которая предоставляла крестьянским начальникам право «рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов»¹⁸.

В программах это положение конкретизировалось – перечислялись случаи, когда присутствие крестьянского начальника на сельском сходе было обязательным: при раскладе мирских и земских повинностей, выборе должностных лиц общественного управления и т.д. Программы предоставляли крестьянскому начальнику право не только утверждать, но и дополнять повестку дня сходов и сугланов новыми вопросами, крестьянские начальники получали право «возбуждения уголовного преследования». Подробно излагались полицейские обязанности крестьянского начальника. В годы Первой русской революции крестьянские начальники широко пользовались такими правами. Сибирское чиновничество внимательно отнеслось к разработке именно этих положений. Программа Енисейской губернии даже ввела специальную главу «Обязанности крестьянского начальника полицейского характера». В программах подробно рассматривались случаи, когда крестьянскому начальнику вменялось в обязанность привлекать для «наведения порядка» чинов уездной полиции, высылать в административном порядке «зачинщиков» и т. д.¹⁹ Ряд статей в программах был посвящен изложению обязанностей крестьянского начальника по организации сборов податей и налогов. Программы Иркутской и Енисейской губерний содержали главу «Податное дело», в программе Тобольской губернии данный вопрос был включен в главу «О личных, имущественных правах крестьян и лежащих на них обязанностях». Программы испытаний регламентировали отношения крестьянских начальников с вышестоящими учреждениями, различными должностными лицами царской администрации и полицией. Жесткая регламентация этих моментов была, по мнению составителей программы, совершенно необходима, так как крестьянские начальники по роду своей деятельности сталкивались с чиновниками различных ведомств, что на практике порождало неразбериху и волокиту.

Практическому внедрению программ испытаний на должность крестьянского начальника помешала начавшаяся Первая мировая война. Но и в этих условиях правительство принимало меры для улучшения состава крестьянских начальников, предоставляя им льготы от призыва в армию и т. д.²⁰ Тем не менее все попытки

¹⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 102. Л. 12.

¹⁸ ПСЗ-3. Т. 18. № 15 503.

¹⁹ ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 46. Л. 195.

²⁰ РГИА. Ф. 1291. Оп. 30. Д. 56, 1900 г. Л. 186–187, 190.

¹⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 13. Д. 91 а, 1908 г. Л. 5.

правления оказались тщетными. Прослойка дворян среди крестьянских начальников Сибири к 1917 г. не только не увеличилась, но даже сократилась, уменьшилось и количество православных чиновников. Количество чиновников, имеющих высшее образование, по сравнению с 1914 г. осталось примерно на том же уровне. Институт крестьянских начальников Сибири был упразднен Временным правительством в июне 1917 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Закон 1898 г. о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири. Обсуждение и разработка // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. № 1. С. 58–63.
2. Марченко В.Г. Управление и суд у малых народов Севера Сибири и Дальнего Востока в царской России: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. 27 с.
3. Егунов Н.П. К вопросу о введении института крестьянских начальников в Забайкалье // Уч. зап. Бурят. пед. ин-та. 1962. Вып. 95. Ист.-филол. сер. С. 130–139.
4. Дулов В.И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск, 1956. 270 с.
5. История Сибири. Л: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 530 с.
6. Жерновков Г. Сибирь и правительство. Новониколаевск, 1907. 26 с.
7. Степынин В.А. Крестьянские начальники Енисейской губернии // Уч. зап. Краснояр. пед. ин-та. 1957. Вып. 1. С. 67–88.

REFERENCES

1. Dameshek L.M., Dameshek I.L. The Law of 1898 on the Peasant and "Indigenous" Officials of Siberia: Discussion and Legislative Drafting. *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. 2016, no. 1, pp. 58–33. (In Russ.)
2. Marchenko V.G. Administration and judicial courts of the indigenous peoples of Northern Siberia and Far East in the Imperial Russia. Abstract of Cand. Sci. Dissertation. Tomsk, 1985, 27 p. (In Russ.)
3. Egunov N.P. On the formation of the institution of peasant officials in Transbaikalia. *Uch. zap. Buriat. ped. in-ta*, 1962, vol. 95, pp.130–139 (In Russ.)
4. Dulov V.I. Peasantry of Eastern Siberia during the revolution of 1905. Irkutsk, 1956, 270 p. (In Russ.)
5. History of Siberia. Siberia in the era of capitalism. Leningrad: Science, 1968, 530 p., vol. 3 (In Russ.)
6. Zhernovkov G. Siberia and the government. Novonikolayevsk, 1907, 26 p. (In Russ.)
7. Stepynin V.A. Peasant officials of Eniseysk governorate. *Uch. zap. Krasnoyar. ped.in-ta*. 1957, vol. 1, pp. 67–88. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 12.05.2016